

М А К С У Д
И Б Р А Г И М Б Е К О В

В А Д У
П О В Е Я Л О
П Р О Х Л А Д О Й

В Д Я Н С

Самое время!

Максуд Ибрагимбеков

В аду повеяло прохладой

«WebKniga»

2012

Ибрагимбеков М. М.

В аду повеяло прохладой / М. М. Ибрагимбеков — «WebKniga», 2012 — (Самое время!)

Новый роман Максуда Ибрагимбекова немедленно вызовет в памяти читателя неповторимую интонацию его такой давней, но такой незабытой прозы — «Кто поедет в Трускавец», «За все хорошее — смерть», «Пусть он останется с нами», «И не было лучше брата»... После долгого отсутствия он возвращается к русскому читателю «хрониками переходного периода», поместив в этот «период» всю трагичную сердцевину ушедшего века и всю жизнь своего героя. Школа, фронт, лагерь военнопленных, французский партизанский отряд командора Клода Вернье, советский лагерь в Тайшете, шафранный совхоз в азербайджанском Амбуране, любовь, реабилитация, французский паспорт... Диапазон чувств — от «Ах, какой это был город!» (о родном Баку) до «Умереть проще всего, но ты на это не надейся». И, конечно, везде и всегда, даже в каждом драматическом эпизоде — фирменный максудовский юмор, его еле заметная усмешка в усы.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Максуд Мамедович Ибрагимбеков

В АДУ ПОВЕЯЛО ПРОХЛАДОЙ

Хроники переходного периода

Часть первая

Большинству людей свойственно полагать, что их судьба зависит в основном от них самих. Если не учитывать стихийные бедствия и техногенные катастрофы, то до некоторой степени это так и есть. Действительно, жизнь человека складывается в зависимости от его умения использовать задатки, заложенные в нем при рождении. При удачном стечении обстоятельств развитый интеллект, физическое здоровье и честолюбие изначально предоставляют ему преимущества в предстоящей жизненной гонке. И все же, и это общеизвестно, человеческая жизнь в силу других, как правило, непредсказуемых обстоятельств складывается у всех по-разному.

Когда Сеймур Рафибейли учился в школе, он очень удивился бы, если узнал, что его дальнейшая судьба будет зависеть от незнакомых людей, вернее, от их конкретных поступков, которые в определенный день и час им еще предстоит совершить вдали от Баку. Уже в детстве ему было известно, что они существуют – Сталин, Гитлер и Черчилль. Имя Шарль де Голль ему довелось услышать позже.

Красивого товарища Сталина он ежедневно видел на портретах и в документальной хронике, которую обязательно показывали во всех кинотеатрах перед просмотром фильма. Сталин Сеймуру нравился. С детства по радио и от всех окружающих он слышал, что он мудрый, добрый и старается изо всех сил ради того, чтобы советские граждане жили еще зажиточнее и веселее. В Баку все знали дом, где он до революции укрывался от недремлющего ока царской охранки, и всей школой ежегодно посещали подпольную типографию «Нина», в которой под руководством товарища Сталина выходила пролетарская газета «Искра», в свое время признанная буреви́стником революции на всем Кавказе. Сталиным все восхищались. И любили. На вопрос физрука – кого они больше любят Ленина или Сталина, дети уже в первом классе отвечали – Сталина! О Гитлере он знал немного, только то, что тот канцлер Германии, которая в силу присущим всем странам капитализма порокам воюет с другими странами Европы, имеющими такие же врожденные язвы капитализма. К фашистской партии отношение советских граждан тогда было положительное из уважения к немецкому народу, именуемому вплоть до 1940-го товарищем Сталиным и его соратниками «братским».

О малоизвестном в Баку Черчилле Сеймур узнал от отца – знатного нефтяника страны Искендера Рафибейли. Рассказывая сыну о причинах бурного расцвета нефтяной промышленности в Баку, он упомянул Уинстона Черчилля. Еще тридцать лет назад нефть использовалась главным образом в качестве горючего в лампах освещения и в печах отопления. Все изменилось в 1911 году, когда Черчилль стал Первым Лордом Адмиралтейства. Это ему первому пришлось в голову перевести военный флот, а вслед за ним и торговый, с угля на нефть. Вслед за английскими кораблями на жидкое топливо перешли все флоты мира.

Эффект от перехода на новый вид топлива был колоссальный. В результате спрос на нефть возрос в многие тысячи, а в Баку начался нефтяной бум, который продолжается поныне. Закончив рассказ о Черчилле, отец спохватился и попросил Сеймура в институте никому об этом не рассказывать. В разговорах следует быть сдержанным, сдержанным и осторожным, сказал отец Сеймуру. Уинстон Черчилль живет в капиталистической стране, ходят слухи, что он ушел в политику и нефтью больше не занимается. Если ни в одном современном справочнике или учебниках по нефти Черчилль не упоминается, значит, какому-нибудь наивному человеку

разговоры о нем могут показаться антисоветской пропагандой и как сознательный гражданин он из лучших побуждений сообщит о тебе куда надо.

О де Голле Сеймур Рафибейли в свои двадцать лет вовсе ничего не знал.

Само собой разумеется, что ему не было известно и о том, что де Голль, Гитлер, Черчилль и Сталин никогда друг с другом не встречались. Зато ему, как и большинству бакинцев, было известно много интересного о Ганди и Долорес Ибаррури. Потому что о них регулярно писали бакинские газеты и сообщало Всесоюзное радио.

Это вовсе не означало, что Сеймур не был любознательным или общительным человеком. Бакинская молодежь в то время много читала. Издавалось огромное количество книг. Практически читателям была доступна вся мировая литература. Чехова, Вальтера Скотта и Александра Дюма большинство его сверстников прочитали еще в школе до поступления в институт. Книги продавались в магазинах по смехотворно низкой цене. Самыми популярными писателями были Марк Твен, О'Генри. Можно сказать, что главным развлечением студенческой молодежи в те годы было чтение хорошей литературы.

Баку в те времена был после Москвы, Ленинграда и Киева четвертым в СССР по величине городом, но так уж получилось, что почти все мало-мальски приметные обитатели этого большого города были между собой знакомы или знали друг о друге понаслышке. Ах, какой это был город! Если бы кому-нибудь вздумалось предъявить миру образец лучших достижений бурно развивающегося социализма, то он назвали бы Баку – город наилучшим образом приспособленный к обитанию человека. Четыре театра – один оперы и балета с постоянным репертуаром, два драматических и театр юного зрителя, несколько кинотеатров, там перед сеансами, в сопровождении оркестра пели популярные певцы. Любители спортивных зрелищ проводили свободное время на ипподроме, где в тотализаторе при максимальной ставке в два рубля и удачном раскладе можно было выиграть хорошие деньги, или же бескорыстно наслаждались на двух стадионах футболом и состязаниями по легкой и тяжелой атлетике. Детей водили в зоопарк и ботанический сад, где можно было посмотреть, как живет в условиях победившего социализма многочисленным представителям флоры и фауны.

Не пустовали и рестораны, кухня нескольких из них была способна, по отзывам знатоков, удовлетворить самый изысканный вкус. По выходным дням на приморском бульваре играл духовой оркестр. Оркестр считался хорошим, и поэтому его часто приглашали играть на похоронах уважаемых людей. Для похорон у оркестра был особый репертуар, в котором отсутствовали музыкальные произведения духовно-божественного содержания. Во избежание неприятностей дальновидные музыканты, независимо от культурных потребностей родственников покойника, играли преимущественно печальные отрывки из известных шедевров мировой музыкальной классики. Делалось это полюбовно по согласованию с организаторами похорон.

Жители Баку были сплошь атеистами. В Бога перестали верить почти одновременно все после того, как было объявлено, что Бога нет, а религия – это опиум для народа. Народ, убедившись на опыте печальной судьбы некоторых людей в том, что религия – действительно вещь очень вредная, а временами даже опасная для жизни, повсеместно перестал молиться. Действующими оставались считанные храмы, которые продолжали посещать разве только доживающие свой век старики, родственникам которых в этой жизни терять уж совсем было нечего. Мечети, церкви и синагоги отдали под библиотеки и музеи. Они были объявлены архитектурными памятниками и заботливо охранялись государством. Бывшие «божьи храмы» использовались также в качестве политпросветучреждений, где трудящимся демонстрировали научные атеистические фильмы и читали лекции по научному коммунизму.

На похоронах оркестр играл лишь в будни, а в выходные и праздничные дни он выступал для бакинцев на их любимом бульваре. Солнце отражалось в морской воде, пахло цветами и хвоей. Нарядные люди прогуливались по тенистым аллеям под волнующие звуки «Большого

вальса» или «Марша энтузиастов», полной грудью вдыхая морской воздух и приветливо раскланиваясь со знакомыми. Нагулявшись всласть, горожане удалялись под парусиновые тенты с видом на море, где всегда можно было выпить свежего бочкового пива. Детям давали вкусные газированные напитки: «вишневый» и «ситро». Здесь же, под навесами, в больших котлах варили крупных морских раков. Пахнущие укропом и лавровым листом, горячие раки пурпурного цвета продавались по пять копеек за килограмм. «Баварское» пиво было двух видов – светлое и темное, последнее почему-то называлось «мартовским». Вот уже пятнадцать лет как «баварское» пиво варили на местном заводе специалисты, переехавшие в Баку из Германии. Вполне приличное с виду пиво варили в Баку и до немецких умельцев, и трудовой народ его пил, но без всякого удовольствия. И тогда советская власть, подобно чуткому камертону незамедлительно отзывающаяся на чаяния народа, наладила в Баку производство «баварского пива».

В случае необходимости приглашались иностранные специалисты для работы и в других отраслях народного хозяйства. Идя навстречу пожеланиям трудящихся, в Баку приехали ихтиологи, а вместе с ними специалисты-смежники, которым было дано задание наладить на основании последних достижений науки разведение осетровых рыб. В ударные сроки были спроектированы два завода по искусственному оплодотворению икры, после чего из-за границы стали закупать за валюту нужное оборудование. Строительство заводов планировалось завершить в 1943 году, и тогда первые миллионы мальков осетровых должны были начать осваивать просторы Каспийского моря. Немногочисленные скептики отнеслись к плану искусственного разведения рыбы с сомнением, но вслух свои настроения уклонистского свойства выражали только в кругу проверенных временем близких друзей, да и то вполголоса. Их вводило в сомнение то обстоятельство, что осетровые в те времена бурно размножались самостоятельно без посторонней помощи. Рыбы добывалось много, и предложение намного превышало спрос. Живую рыбу продавали на рынках и в магазинах, завернутыми в мокрую рогожу осетрами торговали вразнос по домам, осетрину коптили и перерабатывали на консервном заводе, но довольно-таки увесистая часть улова частенько пропадала даже в зимних условиях... А вывозить этот чрезвычайно скоропортящийся продукт по причине отсутствия холодильников было невозможно. Знали это и доморощенные ревизионисты, и вообще им казалось, что если полукилограммовая банка белужьей или осетровой икры стоит три рубля, включая стоимость стеклянной банки, то так будет продолжаться всегда. А те, кто верил в советскую власть и знал, что ей свойственно видеть то, что до поры до времени недоступно другим, отнеслись к проекту с пониманием и постарались высказать свое одобрение на страницах газет «Коммунист», «Бакинский рабочий» и «Вышка», а также на собраниях представителей общественности и производственных совещаниях.

При сильном желании к недостаткам Баку можно было отнести затруднения с жильем для трудящихся. Даже в частных беседах эти затруднения непременно назывались «временными». Благодаря советской власти многие люди, в большинстве молодые, верили в свое светлое будущее и поэтому размножались беззаботно и с удовольствием, вследствие чего темпы строительства жилья постепенно начали заметно отставать от темпов роста численности населения. В связи с этим были обнародованы планы с конкретными цифрами, в соответствии с которыми в обозримом будущем все нынешнее поколение советских граждан и частично следующее получит благоустроенное, естественно, бесплатное жилье. Но бездомных в городе не было. Нуждающимся семьям регулярно выписывали в райсовете ордера на постоянное жилье. Как правило, каждой семье доставалось по комнате в многокомнатной квартире с общей кухней и одним туалетом. Квартиры предоставлялись с мебелью, посудой и постельными принадлежностями, иногда с детскими игрушками. Так как все это добро изначально было рассчитано на одну семью, то новым обитателям квартиры приходилось кое-что докупать самим – в

основном, недостающие кровати, по одной на каждого новосела, и кухонные шкафчики – по числу вселившихся семей.

Хозяев квартир выселяли по ночам. Приходили два-три вооруженных человека в сопровождении управдома и участкового милиционера, производили обыск и через полтора-два часа, выводили людей на улицу, где их ждала машина. Соседи об этом знали, но вопросов не задавали, а утром вели себя, так как будто ничего не произошло.

Сеймуру было десять лет, когда глубокой летней ночью он проснулся от громкого женского плача. Он подбежал к открытому окну и увидел соседей из второго подъезда – доктора Мамедбейли с женой и двумя детьми. Четыре человека в форме помогли им сесть в крытый грузовик, погрузили несколько чемоданов, а затем запрыгнули в кузов сами. Управдом и участковый стояли у ворот до тех пор, пока грузовик не скрылся за углом. После чего, не попрощавшись, пошли в разные стороны.

Сеймур вышел из спальни и увидел своих родителей. Одетые, они сидели за столом и молчали.

Побледневший отец объяснил ему, что доктора арестовали на основании решения народного суда из-за того, что он троцкист и член тайной протурецкой националистической организации. Сеймур уже взрослый мальчик, сказал отец, и должен понимать, что цель врагов народа разрушить Советское государство и навредить всем советским гражданам, в том числе и Сеймуру. Ничего не поделаешь, идет борьба не на жизнь, а на смерть, и об этом всем надо помнить.

Мать обняла Сеймура и повела его к детской. Она плакала.

– А тетя Халида, Намик и Леля тоже враги народа? – спросил Сеймур.

– Нет, конечно. Я думаю, они скоро вернутся.

Прошло еще два месяца, и Сеймур понял, что вернутся они нескоро. В квартиру Мамедбейли вселили две семьи нефтяников – бригадира и рабочего. До этого они жили в общежитии на Биби-Эйбате. Новые соседи трогательно суетились, когда все вместе, взрослые и дети, перетаскивали через весь двор чемоданы и узлы со своим скарбом в предоставленное им жилье. И у них у всех были взволнованные и очень счастливые лица.

Может быть, о семье доктора Мамедбейли и вспоминали, но не вслух. Как-то получилось, но соседи избегали в ежедневных беседах дома или во дворе упоминать их имена, хотя никто этого не запрещал. И так было не только во дворе Сеймура, во всем Баку: люди говорили о чем угодно, но только не о тех, кто на их глазах исчезал и никогда не возвращался. Прошло несколько месяцев, и от ночного происшествия в памяти Сеймура остались туманные обрывки, похожие на странный сон без начала и конца.

Как раз в это время партия и правительство преподнесли городу замечательный подарок, на некоторое время затмивший все другие городские события. Впервые в СССР была построена электрическая железная дорога, и произошло это именно в Баку. В просторном прохладном вагоне на дорогу до их дачи в Амбуране теперь уходило минут сорок. Раньше поездка занимала около трех часов. Извозчик подавал к воротам транспортное средство. В отличие от остальных людей, пассажиров и прохожих, уверенных, что перед ними телега, сам извозчик гордо именовал свое транспортное средство экипажем. Вначале в заднюю часть «экипажа» загружался багаж, после чего семья в полном составе – Сеймур, его родители и кошка Пакиза усаживались на удобные сиденья с поручнями в передней части. И два могучих «першерона» – правнуки племенных лошадей-тяжеловозов, закупленных советской властью во Франции в целях улучшения жизни трудящихся, без видимых усилий везли их через весь Апшеронский полуостров на северное побережье, где находились санатории и дачи.

В то время Сеймур учился на втором курсе самого престижного в Баку Индустриального института, входил в команду яхт-клуба по классической гребле, занимался боксом и был обладателем костюмов из легкой чесучи кремового цвета и двубортного из черного шевииота, а также шести сорочек из белой рубчатой ткани пике, как с отложными, так и с обычными ворот-

никами под галстук и двух пар ботинок, сшитых на заказ в самой лучшей мастерской города, куда отец отвел его и познакомил с мастером своего дела, бывшим холодным сапожником Егачевым. Одежду ему выбирали и покупали на свой вкус родители, отец – Рафибейли, известный в республике человек, и мать – София, в девичестве Салам-заде, учительница итальянского языка в Бакинской консерватории. С детства Сеймура баловали, но в одном мать была непреклонна – дважды в неделю она занималась с ним итальянским. Времени это занимало немного, часа полтора, учение давалось мальчику легко, и уже в девять лет он, не заглядывая в либретто, понимал, почему любимая ария герцога причиняет жестокие страдания несчастному Риголетто и его доверчивой дочке. Мать никому не доверяла выбор одежды, и сама покупала в магазине ткань и сама вместе с сыном ходила на все примерки к портному. Регулярно обновляемый гардероб в сочетании с атлетической фигурой и улыбчивым лицом позволяли Сеймуру выглядеть нарядным в любое время года.

Сообщение о вероломном нападении фашистской Германии особого впечатления на бакинцев не произвело. Население было уверено, что Германия еще горько пожалеет, что начала войну с самой могучей страной в мире, коей, несомненно, является Советский Союз, но, зная это, с первого же дня дружно поддержало мероприятия партии и правительства, направленные для надежной защиты от случайного прорыва вражеской авиации на любимый город Баку. О том, что нефтяная столица мира Баку является лакомым куском для любого капиталистического агрессора, все знали давно и гордились, что им выпало счастье жить и работать там, где добывается девяносто процентов нефти, из которой производится горючее для всех моторов, работающих в воздухе, на земле и на море. Поэтому одни бакинцы стали в массовом порядке наклеивать на оконные стекла куски бинтов и марли (делалось это с целью предохранить людей от осколков стекла в случае воздушного налета), а другие, те, что пошустрее, в тесном сотрудничестве с чекистами начали повсеместно устраивать шумные облавы на диверсантов, шпионов и вредителей, число которых с первых же дней войны несоизмеримо увеличилось по сравнению с мирным временем. На всех крышах домов на случай попадания зажигательных бомб стояли бочки с песком и водой, а также были установлены стенды с развешанными щипцами для захвата и обезвреживания зажигательных бомб и другим противопожарным оборудованием. Там же по ночам добровольно дежурили жители домов.

Городские власти испытали кратковременный шок, когда на крыше одного из пятиэтажных зданий по соседству со штабом военного округа было обнаружено полотнище с огромной свастикой. Но все повеселели после того, как оперативники доложили, что это крыша психиатрической больницы. Спустя час выяснилось, что полотнище сшито из восьми простынь, которые утащили из больничной палаты, а на рисование свастики ушло пять бутылок чернил, украденных обитателями больницы из канцелярии. В результате нескольких долгих откровенных бесед оперативников с психопатами установили, что пятеро больных, с началом войны впадших в состояние еще более глубокой депрессии, решили исключительно по собственной инициативе поместить на крыше плакат со свастикой с целью ввести в заблуждение воздушного фашиста, пожелавшего бы разбомбить психиатрическую больницу. После того как независимая экспертиза подтвердила, что виновные действительно являются неизлечимыми психопатами, больных вернули в больницу, а главврача больницы за проявленную халатность разжаловали в заведующего отделением.

Что же касается немецких специалистов-пивоваров, то доподлинно всем было известно, что они психически здоровы, поэтому никого не удивило, когда всех их уволили. Уволили навсегда и тут же заменили местными, после того как было доказано, что немцы готовились добавить в продукцию пивоваренного завода привезенные из Германии токсичные вещества, что неизбежно привело бы к отравлению подавляющего большинства любителей пива в Баку. Пивоваров и членов их семей больше никто в городе не видел.

Еще одно событие, случившееся в эти же дни, осталось почти незамеченным потребителями продукции пивного завода: в полном составе исчез единственный в городе джаз-бэнд, концерты которого посещал только весьма ограниченный круг ценителей этого порочного вида искусства. Оркестр дважды в неделю нелегально играл в клубе «Бакпорт», и зарплату музыканты получали неофициально, из рук в руки.

Когда пришедшие на концерт поклонники джаз-банда узнали, что концерт отменен, они очень расстроились и стали громко требовать немедленной встречи с любимым коллективом. Вместо оркестра на сцену вышел новый директор клуба и поделился с переполненным залом своими соображениями. Он сказал, что если руководство порта по неизвестным причинам до сих пор не пресекало вредную деятельность оркестра, в состав которого проникли саксофонисты и тромбонисты, то сейчас, в военное время, с этим покончено. Руководство не может допустить, чтобы в стенах прославленного клуба «Бакпорт» молодые люди слушали упадническую буржуазную музыку, неизбежно приводящую к моральному разложению и ослаблению патристических чувств советского человека. Директор клуба посоветовал всем разойтись, пока он не приказал переписать имена и фамилии любителей джаза, для того чтобы передать, а списки в соответствующие комсомольские организации.

А вот другим гражданам – любителям радио, не понадобилось объяснять, как может отразиться на их сознании тлетворная вражеская пропаганда и музыка, пересекающие границы в виде радиоволн. Все они в течение трех дней добровольно расстались с радиоприемниками, когда им официально сообщили адреса, где они временно будут храниться. Сознательные граждане добровольно сдали на временное хранение и пишущие машинки, которые, попав в военное время в руки шпионов, также могли стать средством вражеской пропаганды.

Сеймур успел попасть в первую волну добровольцев. Он был студентом третьего курса института и как будущий нефтяник имел право на отсрочку от призыва, но вместе со всеми однокурсниками отправился в военкомат, где в письменной форме они отказались от предоставленных им льгот и потребовали незамедлительной отправки на фронт.

В честь студентов-добровольцев был дан концерт в Театре оперы и балета. Перед концертом к защитникам родины со сцены обратился Первый секретарь Центрального комитета компартии республики Мир Джафар Багиров. Высокий, в строгом костюме и в очках с блестящими стеклами, он вначале произвел на студентов впечатление сурового партийного деятеля, но по мере того как он говорил, в зале прекратились все разговоры и наступила полная тишина. В середине напутственного выступления Багиров, улыбнувшись, сообщил, что в зале сидит и его сын, который завтра тоже отправится на фронт с первым отрядом добровольцев. И еще Багиров сказал, что сегодня он провожает на фронт не только своего сына, но и всех кто сидит в зале. Потому что считает их тоже своими детьми, и всё то время, пока они все до одного не вернутся в Баку целыми и невредимыми, будет для него временем тревоги и ожидания.

Когда товарищ Багиров закончил выступление, зал встал и приветствовал его бурными аплодисментами.

На концерт Сеймур не остался, он торопился на свидание с любимой девушкой Севдой. Они познакомились неделю назад на вечере в институте иностранных языков. Она была красавицей, и он влюбился в нее с первого взгляда. Свидание получилось коротким, но приятным. В связи со всеобщим затемнением в городе не горело ни одного огонька. Море освещалось лишь бледным светом ущербной луны. Они сидели на приморском бульваре и между страстными поцелуями обещали никогда не забывать друг друга. Ему было девятнадцать лет, и на следующий день он уходил сражаться с врагами своей страны. Если бы ему сказали, что это и есть счастье, то он, конечно, согласился бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.